

18+

СТРАННИКИ ПОНЕВОЛЕ

КНИГА 3

ВОСПОМИНАНИЯ

Марии Михайловны МУРАВЬЕВОЙ
1909-1982

Мария Михайловна Муравьева

Воспоминания. Странники поневоле. Книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71218798

ISBN 9785006471535

Аннотация

Перед вами 3-я книга серии «Странники поневоле» – захватывающие мемуары Марии Муравьевой, внучки последнего председателя Государственной думы Российской империи. Это история о семье, вынужденной покинуть родину и адаптироваться в новой, непривычной среде. Читатель окунется в драматические события XX века, через которые проходят герои, сохраняя достоинство и преодолевая испытания. Эти воспоминания об эмиграции, стойкости и вере открывают перед нами мир людей, не сломленных историческими бурями.

Содержание

От составителя	5
ВОСПОМИНАНИЯ	7
Глава 1 – Детство	9
Глава 2 – Бегство	31
Отъезд из Отрады. Новомосковск	31
Наши няни	37
Отъезд из Новомосковска	40
Анапа	47
Новороссийск	56
Отъезд из Новороссийска. 1920 г.	63
Глава 3 – Эмиграция	68
Югославия. Панчево. Нови Бечей. Институт	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

**Воспоминания
Странники
поневоле. Книга 3**

**Мария Михайловна
Муравьева**

Составитель Елизавета Никитична Муравьева

© Мария Михайловна Муравьева, 2024

ISBN 978-5-0064-7153-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя

Предлагаем читателю третью книгу серии «Странники поневоле», воспоминания нашей мамы Марии Муравьевой, урожденной Родзянко, внучки последнего председателя Государственной думы Российской империи, М.В.Родзянко, и дочери автора второй книги этой серии – «Письмо сыну».

В силу исторических событий дети беженцев, уехавших из России с мыслью переждать смуту и вернуться, превратились в эмигрантов, вынужденных жить на чужбине. Для мамы, уехавшей из России ребенком, этой чужбиной стали Сербия, потом Люксембург, а в конечном счете Франция, где она выходит замуж. Мы дети, родившиеся за границей, себя уже воспринимали не «беженцами», а «русскими эмигрантами» во Франции. Мама описывает нашу эмигрантскую жизнь до, во время и сразу после второй мировой войны, когда гонимые историческими событиями, к нам во Францию из Югославии через Австрию и Германию приезжают мамины сестры с детьми и родители, опять бежавшие от большевиков, на сей раз возникших в образе «освободительной» Красной армии. Для Европы и узников немецких концлагерей они были освободителями, но для Родзянок они представляли несомненную опасность.

Ценность воспоминаний трех поколений одной семьи в том, что они погружают нас в реальную каждодневную

жизнь людей, оказавшихся закрученными историческими вихрями и развеянными по разным странам и континентам. В наше столь непростое и во многом схожее время они несомненно представляют интерес. Замечательно то, как члены этого семейства, чьи предки относились к самой высокой знати, потеряв в одночасье всё, сумели сохранить общность духа и родственные связи, в тяжелые минуты выручали и поддерживали друг друга, никогда ни на что не жаловались. Читатель не найдет в этих воспоминаниях ни осуждений, ни стенаний, и несомненно оценит жизненную установку членов этого семейства: оставаться людьми в любых обстоятельствах и никогда не отчаиваться, твердо зная, что Бог милостив и не даст погибнуть, если Ему доверять. Факты это все время подтверждают. Чего стоит, например, манна небесная в виде продовольственных посылок, которые стали непрерывно приходить неведомо от кого на наш адрес, когда после войны в нашем доме во Франции появилось множество новых ртов – маминых сестер с детьми и родителей, а позже и брата с семьей, нашедших у нас временный приют.

Мама не успела дописать свои воспоминания, они обрываются на полуслове. Я дополнила их кратким рассказом о том, как сложилась в дальнейшем жизнь нашей семьи, вернувшейся в СССР в момент хрущевской оттепели. Там Мария Муравьева и скончалась в 1988 году.

Елизавета Муравьева

ВОСПОМИНАНИЯ

Глава 1 – Детство

Год тому назад в день моего семидесятилетия был мне подарен моим сыном Сергеем «Набор начинающему мемуаристу». По прилагаемой инструкции мне надлежало «стать историком», чему вышеупомянутый набор должен был прийти на помощь. В наборе находилась эта тетрадь и еще «мини тетрадь», на которую мне рекомендовалось «сфокусировать оба глаза и вспоминать то, что желала бы я вспомнить. И вот я перед открытой «макситетрадью», передо мной и «мини»... Скашиваю глаза к переносице, силюсь вспомнить и чувствую, что мне это плохо удастся. Поэтому очень прошу моих будущих читателей отнестись снисходительно к моему званию историка-мемуариста и не ждать от «вспомянутого» многого. Из моего детства, прекрасного, счастливого, мало что помню. В памяти остались отдельные картины, поразившие в свое время детское воображение, которые и постараюсь по возможности последовательно «зафиксировать» на этих страницах.

Самое раннее мое воспоминание – елка у Юсуповых. Мне и моей сестре-близнецу было тогда 1,5 года. Когда я моей матери как-то сказала, что помню это событие, она воскликнула: – Не может быть! Ведь вам с Анной было только 1,5 года! Были мы две совсем одинаковые – Ма и Ань (Так мы са-

ми себя называли и все детство носили эти уменьшительные имена).

...Ярко освещенная гостиная в Юсуповском доме на Мойке в Петербурге – огромная елка, сверкающая бесчисленным количеством блестящих шаров, цепей, золотого и серебряного дождя и множество свечей. Кругом много народа и детей. Мы с Ань, по-видимому, самые маленькие и с нами возятся две девочки постарше: Ольга и Соня Граббе. Они показывают, как две, подаренные нам куклы, почти с нас ростом, закрывают и открывают глаза, но меня это не увлекает. Я Бегу к елке, которая мне кажется такой красивой и притягательной. На ней среди игрушек висят балалаечки, совсем как настоящие. Очень мне нравятся. Я подбираюсь к одной, кручу рукояточку, какие бывают на шарманках, и она издает такой нежный, приятный звук. Мне очень ее хочется, но я не могу ее снять, И тут ко мне подходит красивая седая дама, снимает балалаечку и дает мне. Радости моей нет конца. Красивая кукла больше не существует. Все в этом доме мне кажется сказочным, огромным, прекрасным.

Лестница в Юсуповском дворце. Современная фотография

Уже при входе поражает широкая мраморная лестница до потолка, нет, до неба, а чучела двух медведей на задних лапах наводят страх. Я боюсь их и прячу лицо в юбку мама. Дама, давшая мне балалайку, была Зинаида Николаевна Юсупова – тетя Зинаида, как мы ее впоследствии называли.

Князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон (1856—1928) с женой Зинаидой Николаевной Юсуповой (1861—1939)

По моему отцу Михаилу Михайловичу Родзянко она нам приходилась двоюродной бабушкой (*grand-tante*). Ее муж, граф Сумароков-Эльстон был двоюродным братом моей бабушки, Анны Николаевны Родзянко рожд. Кн. Голицыной.

Рожденная Юсупова Зинаида Николаевна, будучи последней в роде, сохранила по высочайшему соизволению свою фамилию, выйдя замуж за графа Сумарокова-Эльстона, и дети стали князьями Юсуповыми Графами Сумароковыми-Эльстон.

В Юсуповском доме на Мойке я была с мужем много лет спустя. Мне было тогда больше пятидесяти лет. Петербург

уже давно был Ленинградом. Каким маленьким и обычным показался этот сказочный дворец моего детства. Лестница, правда, широкая и мраморная вела не на небо, а всего лишь на второй этаж, куда нас не пустили. Князя Юсуповы графы Сумароковы-Эльстоны уже давно там не жили, а были заграницей, где была долгое время и я... Но об этом ниже.

Еще одно воспоминание картинкой. Мы в имении нашего дедушки Родзянко, Топорок¹.

¹ В книге «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии». 1916. имение описывалось так: *«Топорок-имение находится в Крестецком уезде, Заозерской волости, в погосте Перетенском и принадлежит Председателю Государственной Думы Михаилу Владимировичу Родзянке, которому перешло от бабушки, кавалерственной дамы Екатерины Владимировны Родзянко, рожденной Квашиной-Самариной (1793—1877)»*. В Википедии читаем: *«В 1893 году М.В.Родзянко организовал здесь лесопильный и деревообрабатывающий завод „Топорок“*. В 1970 году здесь был организован лечебно-трудовой профилакторий, ныне преобразованный в исправительно-трудовую колонию Учреждения ОЯ-22/6 »

Михаил Владимирович Родзянко (1859—1924), дедушка автора

Нам с Ань, вероятно, года три. Мы у сетки, загораживающей насадку с цыплятами. Сквозь сетку мы бросаем крошки хлеба и очень радуемся тому, как один цыпленок, схватив большой кусочек хлеба, удирает от других, которые за ним гонятся. Мы очень смеемся с Ань, нам очень весело. И вероятно чувство радости мне почему-то так ярко запомнилось.

Михаил Михайлович Родзянко (1884—1956) и Елизавета Федоровна, урож. баронесса Мейендорф (1883—1985), родители автора

Мой отец Михаил Михайлович Родзянко, старший сын последнего председателя Государственной думы, Михаила Владимировича, окончил агрономический факультет Университета и, женившись, уехал в дедушкино имение Отрада, Екатеринославской губернии Ново-Московского уезда. Там и прожили они вплоть до 1920 г., когда, гонимые русской смутой, выехали за границу. Там и родились у них, следом за нами, еще сестра Ольга (1911г.), брат Владимир (1915 г.) и сестра Елизавета (1917 г.), получившая благодаря няне, звавшей ее «моя драгоценная, моя ценочка», прозвище Цен-

ка, укрепившееся за нею по сей день.

Мы с Анной родились в Петербурге (1909 г.). В семье о нашем рождении бытует такой анекдот: на седьмом месяце беременности моей матери отец уехал на охоту, которой в молодости очень увлекался. Время считал, что еще есть, успеет вернуться к появлению наследника. Поскольку нас с Анной было двое, а врач, следивший за матерью, об этом не догадался, только отец уехал, как начались роды. Как известно близнецы редко, когда рождаются в срок, то ли оттого, что им тесно, то ли они более любознательные и скорее хотят увидеть свет. Словом, отцу была послана телеграмма, но вернуться во время он не успел.

Встретил его брат Николай, наш любимый дядя Никола, со словами «Поздравляю!» «Кто? Сын?» – «Нет» – «Дочь?» – «Нет» – «Ну Никола, кто же?! Говори скорей!» – «Две дочери» – «Ты всегда шутишь» – «Пошутила твоя жена, не я».

Близняшки Ма и Ань на руках у родителей. 1909 год

Двоюродный брат моей матери, дядя Бада Мейендорф, узнав о рождении близнецов, нарисовал карикатуру: стоит отец перед нами двумя, смотрит с ужасом, разведя руками, а за нами в арифметической прогрессии целый ряд младенцев – 4, 8, 16 и т. д. до бесконечности.

Все мое раннее детство прошло в Отраде. Жили мы там зиму и лето. Изредка ездили в Петербург к бабушке и дедушке Родзянко или в Одессу к бабушке Мейендорф. Моя мать, рожденная баронесса Мейендорф, была последней из девяти детей моей бабушки. Бабушку Родзянко мы называли бабушка Ань (Анна Николаевна), а бабушку Мейендорф – ба-

бушка Ма (Мария Васильевна).

Бабушка Ань. Анна Николаевна Родзянко (урож. Галицына)

Отец моей матери, барон Федор Егорович Мейендорф умер через год после нашего рождения, так что деда своего со стороны матери мы не знали. Бабушка Ма жила либо на Бабушкином хуторе (так называлось ее имение Киевской губернии Уманского уезда) либо на даче в Одессе. Мы очень любили бывать у нее на Бабушкином хуторе или в Одессе. Там всегда собиралось много народу. Одних внуков у бабушки Ма было тогда больше десяти и было всегда шумно и весело.

Семья Мейендорф, 1912 г. Сидят слева направо: Никола Мейендорф, Котик Сомов, Маша Родзянко (дочь Эльветы), Лёка (Елена) Мейендорф (дочь Юрия), Саша Мейендорф (сын Льва), Мака (Мария) Мейендорф (дочь Юрия). Второй ряд: Эльвета (Елизавета) Родзянко с дочерью Ольгой (в дальнейшем Толстой) на коленях, Софья Мейендорф, урожд. Голенищева-Кутузова (жена Льва), Лев Мейендорф, Катруся (Екатерина) Мейендорф, Мария Васильевна Мейендорф (*бабушка Ма*), Анна Мейендорф

Любили мы и ее приезд к нам в Отраду, чего не могу сказать относительно бабушки Ань. Она была строгая, требова-

ла хороших манер, никогда с нами не гуляла и не играла.

Одесса 1916 год. Сидят слева направо на земле: Сергуша Сомов и Сережа Стенбок-Фермор; в первом ряду на стульях: Оля Стенбок-Фермор (в замужестве Богенгардт), Андрей Стенбок-Фермор, Котик Сомов, Муся Стенбок-Фермор (в замужестве Кузнецова), Эльвета Мейендорф (в замужестве Родзянко); сидят во втором ряду: Катя Иловайская (урожд. Сомова), Федор Егорович Мейендорф держит маленького Никиту Куломзина, Мария Васильевна Мейендорф (**бабушка Ма**), Ольга Федоровна Куломзина (урожд. Мейендорф), Надя Сомова, Елизавета Васильевна Зенкова

(Лиляша, воспитательница); стоят: Яков Анатольевич Куломзин, няня Никиты Куломзина, Мария Федоровна Мейендорф (тетя Маня), Еленочка Риль (гувернантка Андрея Стенбока), Евпраксия Стенбок-Фермор (Паша, урожд. Сомова) и Екатерина Федоровна Мейендорф (Катруся)

И вот судьбе было угодно устроить так, что я с бабушкой Ань прожила долгие годы вместе, тогда как с бабушкой Ма, расставшись в 16 году, когда мы в последний раз были у нее на даче в Одессе, так больше и не встречались.

После одной из поездок в Одессу с нами в Отраду приехала нанятая нашими родителями гувернантка, очень красивая девушка. Помню, как я не могла на нее налюбоваться. Ее назначение было учить нас французскому языку. Она была очень милая, веселая, но, будучи русской, никак не могла привыкнуть говорить с нами по-французски. Вскоре она от нас уехала, как нам объяснили, к жениху. Я же думаю, ее просто рассчитали.

Вместо нее у нас появилась швейцарка, *Mlle Girardeau*. Удивительно некрасивая, даже страшная женщина пожилого возраста. У нее был спереди всего один зуб, который как-то вылезал изо рта, чем она напоминала бабу Ягу. Она тоже мало чему нас научила. Ей очень хотелось научиться русскому, и она стремилась говорить с нами по-русски. Одним словом не она нас учила французскому, а мы ее русскому. Сестра Ольга ее панически боялась. Потребовалось немало усилий

и времени, чтобы у нее этот страх прошел.

Помню как, гуляя с нами, она брала с собой газеты и засовывала их в дупло дуба для пленных, главным образом чехов, которые у нас во время войны работали. При этом нам строго запрещалось кому бы то ни было про это рассказывать. Мы с удовольствием ее учили (дети вообще любят учить) и очень веселились неправильности ее русских фраз. «Дети, дети, идите там, где сухари» (туда, где сухо) или «Акулина, Акулина, вы закрыли моя трубка?» (трубу от печки). То, что у нас с ней была какая-то тайна от родителей, нам очень нравилось, и мы свято эту тайну хранили.

В детстве все воспринимается ярче, прекраснее, радостнее, чем даже в юности. Все те картинки, которые я пытаюсь здесь воспроизвести, сверкают яркими красками. Просыпаюсь ли я утром от возни садовника за окном, который чистит и посыпает песком дорожки сада, гляжу ли на солнечные зайчики на стене, проникающие сквозь плохо задернутые занавески, выбираю ли среди принесенных няней носков самые мне приглянувшиеся, чтобы ехать к обедне, – все сопряжено с каким-то особенным приятным чувством радости тому, что я живу, что мне хорошо, что на дворе солнце, что сейчас поедem в карете в церковь в село Всесвятское. С возрастом такое мирозерцание тускнеет. И это жаль. Быть может не у всех? Правда, звуки ли песни петой в детстве или даже жужжание мухи вдруг воскресают когда-то при этих звуках пережитые моменты с той же, или почти той же яркостью,

даже теперь, в старости.

К нам в Отраду, бывало, приезжали гости. Главным образом летом. Соседи по имению, друзья родителей, Ильяшенко. У них был прекрасный выезд – лошади красавицы серые в яблоках мне очень нравились. С Ильяшенками обычно папа и ездил на охоту. Их было два брата Воля и Адя (Владимир Степанович и Андрей Степанович). Была у них еще сестра, Лиля. Она оставалась с нашей матерью. На охоту они не ездили. У нее был прекрасный голос и обычно Лиля пела, а мама ей аккомпанировала на фортепиано. Мы не очень любили эти музыкальные вечера, потому что нас тогда раньше укладывали спать. К Ильяшенко мы относились равнодушно, но зато очень любили, когда приезжал другой приятель отца – Василий Васильевич Долгов. Высокий сухопарый человек, он не переставая с нами возился, садился за наш стол есть вместе с нами, детьми, печеную картошку, которую очень любил, и подарил нам сказку про Хабиасов², очень нам полюбившуюся, но приведшую в ужас бабушку Ань, которая ее и сожгла при нас в камине к нашему большому горю. Сказка эта возмущала бабушку своей жестокостью. Сюжет сказки такой: жил старик со своей старухой, у них была дочка и собачка Фунтик. Раз как-то ночью пришли Хабиасы, сели на лавочку и запели: «Войдем войдем в избушку, съедим старика и старушку». Фунтик услышал и залаял. Хабиасы испугались и убежали. Старик проснулся и говорит: «Что это

² Эту сказку можно послушать здесь https://youtu.be/kU_YQLTWzWg

Фунтик лает, не дает ни спать, ни дремать. Завтра же поутру я отрежу ему хвостик». Встал старик и отрезал Фунтику хвостик. На следующий день опять пришли Хабиасы, сели на лавочку и запели: «Войдем, войдем в избушку, съедем старика и старушку».

Ма и Ань. Одесса 1912 год

Фунтик услышал и залаял, а старик и говорит, что это Фунтик лает... завтра отрежу ему задние лапки... потом передние и, наконец голову... Хабиасы съели старика и старушку, а дочку посадили в мешок и унесли. Мешок положили

на чердак и каждое утро приходили, щелкали дочку в лоб и пели «посмотри-ка на меня». Кончалась сказка хорошо. Охотник услышал как дочка плачит, перестрелял Хабиасов. И они сыграли свадьбу. Помню, как бабушка возмущалась Василием Васильевичем и назвала его идиотом. А нам было жалко. Любили мы эту сказку, потому что любили Василия Васильевича, а жестокость и не замечали. Он очень забавно нам и читал, изображая в лицах и Фунтика и Хабиасов, и возмущавшегося старика. А чем лучше, скажем, сказка Перо «Синяя борода»? И почему-то против нее бабушка не возмущалась, или «Мальчик с пальчик», где людоед съедает 7 своих собственных детей, а родители бросают детей в лесу? А Макс и Мориц с их непревзойденными по жестокости шалостями? И почему-то эти сказки у нас были, их нам читали, а Хабиасов сожгли.

Потом мы любили, когда к нам приезжали наши троюродные сестры Зоя и Адя, дочери двоюродного брата отца, дяди Сережи Родзянко³. Он был сыном брата дедушки Михаила Владимировича – Николая Владимировича или дяди Коли. Самого дядю Колю мы боялись. Он был полупарализован, не мог говорить, весьма странно мычал и очень сердился, когда его не понимали. Но он приезжал редко. Зоя и Адя были старше нас, с нами возились, и мы их очень любили.

³ Сергей Николаевич Родзянко (1878—1949) – племянник Михаила Владимировича Родзянко. Как и он, член Государственной думы от Екатеринославской губернии. После Октябрьской революции эмигрировал во Францию. Жил в Париже, где и скончался.

Приезжали они из соседнего имения Попасное обычно верхом, катали нас на своих лошадях и, помню, мне было очень завидно, что они такие ловкие и красивые, а вот мне страшно на лошади сидеть и даже к ней подходить. Хотелось поскорее быть как они. Мы даже в честь них называли наших кукол, которых получили на елке у тети Зинаиды Юсуповой. Их отец, дядя Сережа, был очень толстый и очень веселый человек, рассказывал нам всякие смешные истории, шутил и дразнил нас курносыми носами и плохо промытыми глазами, что меня обижало. Не виновата же я, что нос у меня курносый, а глаза черные. Это же не потому, что я их плохо мою. Но раз как-то он был отомщен судьбой. Весело подсмеиваясь над нами, он с размаху сел на соломенное кресло, раздавил его и к нашей немалой радости оказался на полу.

Нам подарили ослон, на которых мы ездили верхом или запрягая их в большую арбу, принимали участие в молотье, Моего ослон звали Кир, Аннинного Диоген, а Ольгиную ослицу – Клеопатра. Помню, какой для нас бывал праздник смотреть, как везут на поле молотилку. Запряженная цугом несколькими волами молотилка медленно тащилась мимо нашего дома. Цоб цобе! – кричали мужики, понукая волов. Кругом бегали с криками и визгами деревенские ребятишки. Как нам хотелось присоединиться к ним! Но нас не пускали.

Отец сам занимался имением. Ездил на поля, следил за посевом, жатвой, молотье и очень волновался, когда шел не вовремя дождь. Если при этом присутствовал Васи-

лий Васильевич Долгов, он выходил во двор, поднимал кверху палец и с самым серьезным видом говорил, обращаясь к небесам: «Разойдись!», уверяя отца, что сейчас тучи разойдутся. И, как ни удивительно, это ему часто удавалось.

Зиму моего детства я почему-то помню всегда снежной. Весело было играть в снежки, скатываться с гор, лепить снежных баб или прочищать дорожки от снега, сидя на специально для этого предназначенном треугольнике, в который запрягалась лошадь.

Начавшаяся в 1914 году война, а за ней революция, в корне изменили нашу жизнь. Сначала уехала mademoiselle Girardeau. На ее место была приглашена другая гувернантка, на сей раз опять русская, Виктория Викторовна Усаковская. Она взялась за нас серьезно, и мы при ней скоро заболтали по-французски. Когда нам с Анной исполнилось 6 лет, она нас стала учить русской грамоте. Помню, как мне было трудно во время этих уроков говорить с ней по-русски до того она сумела привить нам привычку говорить с ней по-французски.

Ма и Ань с гувернаткой Викторией Викторовной Усаковской

С начала войны в Европейской России у нас появилась карта, по которой в зависимости от того, как продвигался фронт, передвигались русские и немецкие флажки.

Я любила разглядывать эту карту, трогать нам ее запрещалось. Германия была светло-зеленого цвета, а Россия желтого. Эта светло-зеленая Германия представлялась мне склоненной перед Россией фигурой, но увы, не суждено было России ее склонить пред собой.

Мне хорошо запомнилось последнее лето у бабушка Ма в Одессе. Было очень весело. Были двоюродные Куломзины: Никита, Федор и Лиля, Сомовы Котик и Сергуша и много взрослой молодежи. Взрослые играли в теннис, дети в крокет, жмурки, горелки и прочие игры. Ходили на море. Но тогда не купались на открытых пляжах. Были закрытые купальни женские и мужские, и на солнце не загорали, как теперь.

Запомнился мне музыкальный вечер, на котором мне

очень хотелось присутствовать, но нас уложили спать, оставив по нашей просьбе дверь открытой. В комнате, где стоял рояль, и которая одновременно служила столовой, убрали стол, чтобы поставить стулья, и вот, проходя под киросиновой лампой, дядя Яша Куломзин, отец Никиты, Федора и Лили (он был женат на сестре моей матери, тете Ольге), головой разбил ее. Он сильно вознегодовал, весьма ушибив себе голову, а нам, помню, очень было смешно. Играл, как я узнала впоследствии, Скрябин. С детства я любила музыку. И засыпать под его игру было очень приятно. Нас рано начали учить играть на фортепиано, но в силу исторических событий и связанных с ними наших переездов, мы так и не доучились.

Глава 2 – Бегство

Отъезд из Отрады. Новомосковск

В 1917 году начались грозные события. В последний свой приезд дедушка и бабушка Родзянко много и возбужденно что-то рассказывали родителям. Нас обычно выставляли вон из комнаты и о чем они говорили, мы не знали. Часто ими повторялось выражение «министерская чехарда» и мне тогда представлялось, как толстые министры вроде дедушки прыгают друг через друга. Очень все это было удивительно. Раз как-то, выйдя в детскую, я застала нашу горничную Акулину всю в слезах. Она растапливала печку и горько плакала. «Акулина! Что с тобой? Почему ты плачешь?» – поинтересовалась я. «Царь батюшка отрекся», всхлипывала она в ответ. Я удовлетворилась ее ответом, хотя и не поняла, от чего царь отрекся, и почему об этом надо было плакать.

Вскоре пошли разговоры о том, что мы поедем в Новочеркасск к дедушке. Нам эта перспектива очень улыбалась и мы с нетерпением ждали дня отъезда, но почему-то родители не спешили. Вместе с тем жизнь в Отраде как-то изменилась. Что-то беспокойное чувствовалось в воздухе. Пошли рассказы о каких-то волнениях, пожарах и даже к нам вдруг явились какие-то люди, ища пулеметы. Няня, взятая

для недавно родившейся сестры Ценки, их встретила и ничуть не смутившись, заявила, что сейчас им покажет, где эти самые пулеметы у панов (она была наполовину полька, наполовину шведка и нас называла «паны»). «Идемте, идемте, у нас их пять штук», и привела их в детскую. «Вот они наши пулеметы», добавила она, вызвав у пришедших дружный смех. Потом какие-то грабители, выбив окно, утащили из отцовского кабинета сундучок, в котором, как они считали, должны были быть деньги. Денег там, конечно, никаких не было, а только счета. Впоследствии этот сундучок был найден в колодце, куда они с досады его сбросили.

Все это не предвещало ничего хорошего. И вот, раз ночью нас вдруг разбудили со словами: «Вставайте скорее, мы сейчас едем к дедушке!» Я сладко спала, и вставать очень не хотелось. «А почему ночью?» ворчала я, «я спать хочу». «Не рассуждай!» было мне отвечено таким тоном, что пришлось покориться. Нас одели, посадили в экипаж, и мы поехали. Впоследствии я узнала, что оказывается какая-то очередная банда вооруженных людей явилась поздно вечером к нашему плотнику, требуя выдачи бар. Понимая неладное, он послал сына предупредить нас, а сам стал усиленно подчивать пришедших водкой и байками. Был разбужен кучер, поднята на ноги прислуга. Все были за нас, ни у кого и поползновения не было нас выдать. Быстро заложили экипажи, и мы уехали в уездный город Новомосковск. Вдрызг напоенные бандиты, когда проспались, не найдя никого из бар,

с досады подпалили дом.

В Новомосковске мы прожили год. У власти были большевики. Шла гражданская война, но нас никто не трогал. Рядом с домом, где мы сняли квартиру, находился штаб красноармейцев. Они вели себя тихо. Изредка приходили к нам за ножницами, чтобы резать керенки. Так назывались деньги, выпущенные во время временного правительства, когда у власти был Керенский. Они печатались длинными лентами, от которых нужно было отрезать необходимые купюры, для чего и требовались ножницы.

По-моему только в Новомосковске мы познакомились с семейством де Мюзер. Я их почему-то не помню в Отраде. Это была семья люксембуржцев, состоявшая из отца, матери и двух дочерей Жильберт и Лиди. Они были старше нас, и поэтому особой близости между нами не создалось. Семья эта впоследствии сыграла немаловажную роль в жизни нас – трех старших сестер. Мадам де Мюзер совсем не говорила по-русски, уверяя, что в России это не нужно, потому что *toute la haute société parle français*⁴. Лучше всех говорил *Monsieur de Muysen* и старший сын *Alfred*. Остальные с очень смешными ошибками. Чем занимался *Monsieur de Muysen* в России, не знаю, и никогда почему-то не поинтересовалась. Вероятно приехал делать деньги («*faire de l'argent*»), как приезжали многие иностранцы тогда в Россию. Родители с ними сблизилась, и они часто бывали у нас. *Madame de Muysen* или

⁴ Весь высший свет говорит по-французски (фр.)

Marguerite, как ее называл муж, была полной круглолицей женщиной, по-моему довольно скучной, *monsieur de Muysen*, напротив, был неглупым остроумным человеком с очень милым, располагающим лицом. Он был ярко рыжий, и этот цвет своих волос передал своим детям. Так же как и наш отец, он довольно оптимистически относился к событиям и вместе с ним строил планы постройки сахарного завода на общих началах.

Жизнь в Новомосковске текла довольно однообразно и никаких особо ярких воспоминаний во мне не оставила. Были какие-то дети, с которыми мы играли. В частности, девочка Головкина, нашего с Анной возраста, с великолепными косами до колен. Эти косы вызывали у меня зависть, но из-за постоянных головных болей, которыми страдала девочка Головкина, пришлось их остричь. На главной площади города находился прекрасный деревянный собор, в который мы по воскресениям ходили к обедне. Он был построен без единого гвоздя в украинском стиле⁵.

Помню, был какой-то праздник. На церковной площади крутились карусели. Гулянье шло во всю. Мы с матерью после обедни пошли посмотреть и покататься на кару-

⁵ Деревянный девятикупольный Троицкий собор в Новомосковске был построен в 1778 году действительно без единого гвоздя запорожскими мастерами и несколько раз восстанавливался. В 1930 году здание собора использовалось под зерновой склад, при немецкой оккупации снова открылся, в шестидесятые годы был превращен в художественный музей и долго реставрировался. Сегодня он опять отдан Церкви.

селях. С нами был и наш младший брат Владимир. Был он очень миленьким трехлетним мальчиком с золотыми кудрями и черными раскосыми глазками. И вот мы его в толпе потеряли. Мама стала его повсюду искать, спрашивая вокруг людей, не попадался ли такой малыш. И вдруг как в сказке, перед ней вырос мальчуган лет восьми в форме бойскаута и деловито спросил: «Как выглядит, сударыня, ваш сын?» Мама описала ему Владимира. «Никуда с этого места не уходите, мы вам сейчас его разыщем», так же деловито произнес мальчик и скрылся в толпе. Очень скоро он появился снова, ведя Владимира за ручку, чем невероятно умилил и восхищал нашу мать. Она потом всем этот случай рассказывала.

Владимир Родзянко

Наши няни

Как я уже писала, к родившейся в 1917 году нашей еще одной сестричке, Елизавете, была взята няня, которая, когда мать ее спросила, из какой она губернии, ответила: «Из Стокгольма». Фамилия ее была Балтрукевич, звали ее Жозефиной. По отцу она была полька, по матери шведка. К нам она попала уже не молодой, но сколько ей точно было лет, никто не знал. Взрослым она всегда говорила 50 лет, а нам детям – «тыща». Говорила она басом и таким же басом пела всякие колыбельные песни, убаюкивая сестру.

Наняли ее в помощь нашей няне, Наталье Андреевне, вынужившей нас с Анной, Ольгу и нянчившей Владимира. Наталью Андреевну мы никогда няней не называли. Она для всех и для нас, детей, была Натальей Андреевной. С детьми, я думаю, она не очень умела обращаться, ничего нам никогда не рассказывала, была довольно ворчливой и теплых чувств у меня по себе не оставила. Мы гораздо больше любили няню «Абракадабру», как ее заглаза прозвал, кажется, наш дедушка. И вот в Новомосковске, где мы по срав-

нению с Отрадой оказались сильно стесненными жилплощадью, начались между Натальей Андреевной и Абракадаброй конфликты. Няня Абракадобра, нежно любя Елизавету, называя ее моя драгоценная, моя ценочка, отчего она потом стала Ценкой, невзлюбила Владимира, мальчика довольно шумного и капризного. Наталья же Андреевна его полюбила, по-моему, больше всех нас. Она безропотно стирала его мокрые простынки, никогда его ими не попрекая (он довольно долго мочил кровать). Няня Абракадобра называла его вонючкой, швыряла в Наталью Андреевну его мокрыми простынями и между ними начиналась словесная война в весьма повышенных тонах. Помню, как первая такая ссора меня озадачила. Мы никогда не слышали, чтобы взрослые друг на друга кричали и ссорились. В нашем представлении это могло случаться только с детьми, но никак не со взрослыми. А тут вдруг две старые, почтенные женщины швыряют друг в друга вещами и кричат. Не знаю потому ли, что терпеть их двоих нашей матери стало не вмоготу или по какой другой причине, но Наталья Андреевна с нами из Новомосковска не поехала. Выехали с нами Виктория Викторовна (наша гувернантка) или, как мы ее прозвали – Зеленька, и няня Абракадобра. В противоположность с Натальей Андреевной эту няню никто не называл по имени отчеству. Все ее звали няней, так что отчество ее так и осталось мне неизвестным.

Отъезд из Новомосковска

События развивались своим чередом, и в один прекрасный день на улицах Новомосковска появились немцы. Помню, как мама, выглянув в окно, быстро от него отошла со словами: «Фу! Смотреть противно!», а я оставшись у окна и даже высунувшись из него, никак не могла понять, почему мама возмущается, почему ей на них смотреть противно, когда они так красиво идут и так хорошо поют, сверкая на солнце своими касками? Это была, если не ошибаюсь, временная немецкая оккупация Украины после Брест-Литовского мира. Пока немцы оставались на Украине, жизнь стала спокойнее. Банды махновцев, петлюровцев и прочих, приутихли. Но как только немцы ушли, положение таких, какими были мы, опять ухудшилось. Надо было уезжать на юг, но отец никак не мог на это решиться. Из Отрады к нам в Новомосковск поступали фрукты, овощи, битая птица, молочные продукты и даже была привезена корова, чтобы мы, дети, имели каждый день свежее парное молоко. Со всем этим придется расстаться. У него все теплилась надежда, что мы еще вернемся к нашим пенатам. Правда, дом был сожжен, но его можно будет восстановить. Потеря Отрады и его любимого сельскохозяйственного дела была для отца большой трагедией. Когда он, наконец, понял, что всё кончено, он, как рассказывала нам впоследствии мать, плакал как ребенок.

нок. Отец был высокий, длинноногий, с сильно выявленным плоскостопием, из-за чего не был призван в армию, меланхолик; мать же наоборот, маленькая, коротконогая, быстрая и чрезвычайно энергичная женщина с веселым характером. Она не была столь мечтательна как отец и никаких надежд и иллюзий не лелеяла. Она понимала, что пока не поздно надо уезжать, и в этом духе не переставала обрабатывать отца. «Ах, Эльветушка, говорил он, ты всегда неприятности говоришь».

Но настал момент, когда наконец и он понял, что оставаться дольше на месте нельзя.

В один прекрасный день пришел к отцу скупщик его сельскохозяйственных продуктов, еврей Шановер, который, как рассказывал отец, однажды сказал ему: «Михаил Михайлович, мы с вами немного родственники» – «Как так?» удивился отец. «Ну как же, мой отец покупал у вашего отца, а я покупаю у вас». И все это с сильным еврейским акцентом, который отец умел прекрасно имитировать. Они с отцом заперлись в комнате и долго беседовали, после чего отец вышел сильно расстроенным. И тут пошли опять разговоры, что мы едем к бабушке. Стали спешно укладываться, и вот мы на вокзале. Отца с нами нет. До нас доходят обрывки разговоров, из которых мы понимаем, что нас ищут. И не так нас всех, как отца. Он с нами не поедет, приедет потом прямо в Екатеринослав. Там у нас есть друзья, Костюченко. У них мы и будем его ждать. Пока поезд не пришел,

нас укрывает у себя в квартире начальник Новомосковской железнодорожной станции. У него жена и дети, с которыми мы сразу сходимся. Наконец приходит поезд, весь обвешанный людьми. Анна кидается к окну и кричит: «Смотрите, смотрите, пискулянты едут» (это вместо спекулянты). Мы смеемся и бросаемся к окнам. Нас быстро от них оттаскивают и задерживают занавески. Мы негодуем: «Почему?!» – «Нельзя! Нельзя!», говорят нам, ничего не объясняя. Когда так называемые «пискулянты», которые никакие конечно не спекулянты, а солдаты, покидают поезд, нас одевают, но тут появляется сам начальник станции и говорит: «Не спешите, не спешите, поезд в Екатеринослав не поедет. Он пойдет обратно». Нас раздевают, и мы сидим еще несколько часов узниками в комнате с задернутыми занавесками. Добродетельная жена начальника нас угощает обедом, потом развлекает сказками, только бы мы не подходили к окнам. Все это очень таинственно и как-то страшновато. А где же папа? Почему его нет? Я не могу понять и мне за него страшно. Наконец поезд подходит, такой же переполненный. Вылезшие из него солдаты с красным флагом, на котором написано «ШВАБОДА», удаляются по направлению к городу. Нас, детей, забавляет эта надпись, и мы над ней долго потешаемся. Но вот мы в вагоне. «Храни вас Господь», говорит, прощаясь с нами, милая, которая мне видится такой красивой, жена начальника станции, и поезд трогается. Только много много позже я поняла, чем рисковали эти прекрасные про-

стые люди, укрыв нас в своей квартире, где каждую минуту могли быть обнаружены. Ведь их квартира находилась недалеко от вокзала, где кто только не шнырял.

* * *

По воспоминаниям матери, которые я только что проконсультировала, выходит, что я не точно описала отъезд из Новомосковска.

Предупредили отца об опасности не Шановер, а приехавшие управляющие. Один — Козыч Корнелий Иванович — из Отрады, другой — Семен Наумович Стрельченко⁶ — из Александрии, имения Дедушки, которым также управлял отец. Оба они уговаривают его уезжать. Он не решается. Боится разлуки с семьей. Тут энергичная наша мама решает за всех: «Едем в Екатеринослав все!» Но как? Вокзал довольно далеко от города, версты три. А в распоряжении у нас только бричка, на которой приехал Семен Наумович. Все поместиться не могут. Решено отцу с Козычем идти на вокзал пешком, мы с Семеном Наумовичем поедem на бричке. Так и сделали, но мы доехали, а Козыч с отцом повернули назад, потому что на вокзале было неспокойно. Как я написала, нас укрывает у себя начальник станции. Семен Наумович, выйдя из дома, гибнет убитым, и труп его

⁶ Он не был убит в Отраде, как я ошибочно написала, а на вокзале в Новомосковске. (Прим. Автора)

долго лежит у вокзала. Распространяется слух, что убит папа, и это спасает его. Его перестают искать.

Между тем папа возвращается один в город. Козыч с ним не идет, а остается наблюдать издалека, что делается на вокзале. Дойдя до нашего дома, отец узнает, что мы уехали и не вернулись, и в отчаянии начинает ходить взад-вперед по улице. И тут навстречу ему попадается Шановер и уговаривает его куда-нибудь укрыться. Отец решает идти на другой конец города к другу дяди Сережи Комарову, откуда при помощи его сыновей, вызвавшихся достать ему билет на каретку, ездившую между Новомосковском и Екатеринославом, добирается до нас.

** * **

Как мы в Екатеринославе с вокзала добрались до квартиры Костюченко, я почему-то не помню.

У Костюченко дочь, Галя, старше нас с Анной, и сын Коля, примерно нашего возраста. У них в квартире электрическое освещение. Нам очень забавно, что стоит только повернуть выключатель, и лампочка зажигается, повернуть еще раз, и она гаснет. До сих пор нам были известны только керосиновые лампы и свечи. Коля как все мальчишки забавляется над нами и предлагает нам всунуть палец в дырочки от розетки, но тут вмешивается Галя и авторитетным тоном заявляет, что как только мы палец всунем, мы моментально

умрем. После этого розетки мне кажутся такими страшными, что не только пальцем их тронуть, но и мимо пройти мне жутко. Наступает вечер. Мама, чтобы мы особенно не шумели в чужой квартире, а может быть, чтобы самой отвлечь себя от мыслей, волновавших ее относительно отца (он все не ехал), собрала нас вокруг себя и стала нам читать «Сон Татьяны» из Евгения Онегина Пушкина. И тут вдруг раздался пронзительный звонок в дверь. «Это Миша!» – воскликнула мама и бросилась в переднюю. Действительно это оказался он.

В Екатеринославе мы долго не пробыли. Атмосфера там тоже была напряженная и далеко не спокойная. Перед тем как покинуть гостеприимный дом Костюшенок, родители нас собрали вокруг себя и строго наказали ни с кем в поезде не разговаривать, а Владимиру ни в коем случае не говорить, как его зовут. Ему в то время шел четвертый год, и он был очень хорошенький. С ним поэтому люди часто заговаривали. Когда его спрашивали: «Мальчик, как тебя зовут?», он важно отвечал: «Владимир Михайлович Родзянко». Вероятно, сама мама научила его так отвечать. Теперь же такой ответ был чрезвычайно опасным. Умный малыш, несмотря на свой возраст, понял серьезность обстановки и родительский приказ крепко запомнил. Когда поезд пришел в Ростов на Дону, и мы довольно долго сидели на вокзале, ожидая поезда в Екатеринодар, Владимиру задали этот опасный во-

прос. «Не знаю» — ответил он. — «Как! Не знаешь, как тебя зовут?» — удивился спрашивающий. Тогда, рассмеявшись, родители сказали, что теперь можно говорить, как тебя зовут. Ростов был занят белыми. В Екатеринодаре нас встретили дедушка и дядя Никола. Остановились мы у их друзей Никифораки. Мадам Никифораки подарила мне бронзового слоника с яичком в хоботке, который мне очень понравился. Он по сей день у меня, только хобот отбит моим сыном Сергеем и красное яичко потеряно. В Екатеринодаре мы долго не оставались и вскоре переехали в Анапу.

Анапа

В Анапе была снята квартира по Рождественской улице, дом 80. Улица эта спускалась к морю. Недалеко была большая церковь, куда мы ходили по воскресеньям к обедне.

В Анапу приехали жить, как и мы перед окончательным отъездом за границу, семья Трубецких и две семьи Татищевых. Семья Трубецких состояла из отца, матери и пяти детей: мальчика Пети и четырех девочек Саши, Груши, Паши и Маши. В одной семье Татищевых было трое детей – девочка Дина и два мальчика Алеша и Федорчик.

В Анапе мы зажили чрезвычайно весело. Старшие дети Трубецкие были нашими сверстниками, Алеша и Долли Татищевы старше нас. По возрасту нам подходила только Елена, хорошенькая тоненькая девочка со светло белокурыми косами. Дина из другого Татищевского семейства была старше нас, Алеша и Федорчик примерно такие как мы. Наша мать было дружна с княгиней Марией Сергеевной Трубецкой и с двумя Татищевыми, Дарьей Федоровной и Варварой Михайловной. Трубецкую мама называла Машенькой, Татищевых одну Дарой, другую Варой, что нам казалось очень смешным. Видались мы почти ежедневно. Вместе ходили на море. В Анапе не было благоустроенных купален как в Одессе. Обширный песчаный пляж, тянувшийся далеко вдаль, был разделен на мужской и на женский. И женщи-

ны и мужчины там купались совершенно голыми, что глубоко возмущало нашу няню. Я и не замечала бы их наготы, если бы няня своей воркотней не обращала моего на них внимания. Постоянная ошибка взрослых.

Днем мы обычно ходили на пляж с няней, мама только изредка присоединялась к нам. Но зато она часто нас водила вечером и мы тогда наблюдали с ней флуоресценцию, когда море светилось. Это явление нас очень увлекало и восхищало.

Раз как-то старшие Татищевы пришли нас звать на прогулку пикник. Поскольку Алеше было лет шестнадцать, нас с ними отпустили без взрослых. Снабдили провизией и мы ушли на целый день. Недалеко от города была гора, называемая «лысой» и вот мы туда и решили отправиться. Алеша как гид с мешком за плечами шагнул впереди, а мы все весело болтая, семенили вокруг него. Особенно радовались мы тому, что мы одни без взрослых. Привал был очень веселым, и все было такое вкусное! Вернуться до темноты мы не успели, чем страшно разволновали наших взрослых. Особенно был обеспокоен папа. Он, как рассказывала мама, не находил себе места. Нам сильно досталось, особенно после того, как наши общие родители узнали, что мы были на Лысой горе. «Боже мой! – воскликнула Мария Сергеевна Трубецкая, – ведь там зеленые рыскают! Вы могли бы вообще не вернуться!». Кто такие «зеленые» (банды убийц и грабителей, скрывавшиеся в лесах), нам не объяснили, и мне они

представились эдакими чудищами зеленого цвета, которые должны были всех нас пожрать. И очень стало мне задним числом страшно.

Вскоре приехало еще семейство Пущиных. Там тоже были дети, но я почему-то только помню девочку Соню с черными кудрями и красивыми большими глазами. Другие вероятно были маленькие. Очень красивая была ее мать, Софья Михайловна. Помню, как я не могла оторвать от нее глаз, когда она к нам приходила.

Потом приехали из Киева тетя Таня Родзянко, жена младшего брата отца, дяди Георгия, с матерью тетей Наташей. От них мы узнали, что там в Киеве дядя Георгий был расстрелян. Он был офицером Преображенского полка. Тетя Таня была вся в черном и очень печальная. Прожили они с дядей Георгием не полный год. У нас в Отраде они были незадолго до нашего бегства молодоженами. Счастливые и веселые. Много с нами возились. Помню, как дядя Георгий очень меня тогда обидел показав мне обезьянку – мое собственное отражение в зеркале. Я поверила, что он настоящую обезьянку покажет. Разочарование и обида были двойными: во-первых, что меня обманули и, во-вторых, что обезьяной оказалась я сама.

А раз, когда мы уже спали, нас разбудил пронзительный звонок в дверь, а потом раздались радостные крики; «Юрий! Лев! Откуда вы? Каким образом?!»

На утро мы узнали, что это приехали два брата нашей

матери дядя Юрий и дядя Лев Мейендорфы. Они довольно долго у нас прожили всё надеясь, что скоро приедут туда же в Анапу их дети, которые вместе с женой дяди Льва, тетей Соней, остались у бабушки Ма в ее имении Бабушкин Хутор. Дядя Юрий был вдовцом и его детьми, сыном Николай и тремя дочками Ксеньей, Макой (Марией) и Люкой (Еленой), занималась тетя Катруся Мейендорф, незамужняя сестра нашей матери.

Дядя Юрий и дядя Лев были очень милые, добродушные и веселые. Каждое утро, уходя с отцом на пляж, они весело пели: «А мы пляжим, а мы пляжим, а мы пляжим да целый день!» С нами они много возились, сбивали нам гоголь-моголь, к которому мы были большие охотницы, и не подозревали мы тогда о том беспокойстве, которое их томило, не зная, смогут ли их семьи выбраться из бурлившей всякими событиями Украины. Оказывается, чуть ли ни каждый вечер у них происходил спор с родителями, уговаривавшими их никуда не ехать, тогда как они, терзаемые тревогой, рвались к детям. В конце концов, не выдержав более этого безрезультатного ожидания, они собрались и уехали. Возвращаясь на Бабушкин Хутор, они наткнулись на банду Махно и погибли, зверски убитыми этими дикими людьми. Их гибель подробно описана старшей сестрой матери, тетей Маней Мейендорф, в ее интереснейших мемуарах⁷.

⁷ Баронесса Мария Федоровна Мейендорф – Воспоминания, изд. Сретенского монастыря, Москва 2014. Или виртуальный вариант СТРАННИКИ ПОНЕВОЛЕ

Перед смертью дядя Юрий попросил разрешение у своих будущих убийц написать письма детям и матери. Это разрешение ему было дано и письма доставлены по назначению.

Вот эти письма:

«Милая мама, родная моя, прости. Я хотел своим приездом порадовать тебя, а вышло, что нанес тебе большое горе. Но что делать, на то видно воля Божья. Говорят, наше дело плохо, и нас могут расстрелять. Я не жалею своей жизни, видно так надо, возможно, что моя смерть делу добра сделает больше чем дальнейшая жизнь. Если меня не станет, прошу тебя не бросать моих детей и взять их под свое покровительство. Они, наверное, тебе не будут в тягость, а станут твоим утешением. Прости, если в чем еще перед тобой виноват. Прошу прощения и у всех родных и знакомых. Христос с вами. Да хранит вас Бог. Юрий.

Милые мои родные детки,

Возможно, мы больше не увидимся на этом свете. Простите меня, мои родненькие, я хотел скорее доставить вам радость свидания, а оказывается принес вечную разлуку. Но видно так Богу угодно. Не горюйте обо мне и терпеливо переносите свое горе и своей жизнью умножьте больше добра на земле и правды. Не мстите никому за мою смерть, ни делом, ни даже помыслом. Так попустил Господь. Молите только, чтобы Он простил мне все мои прегрешения. Я

не боюсь смерти и иду к Господу дать ответ о своей жизни с теплой надеждой, что Он примет мою жизнь. Я прошу бабушку взять вас на свое попечение. Будьте ей хорошими добрыми внуками, утешьте ее в ее горе.

Благословляю вас. Да хранит вас Господь и да направит на все доброе. Ваш отец»

Семьи погибших мученической смертью в с. Крутеныхах

Якова Анатольевича Куломзина

и баронов Юрия и Льва Феодоровичей Мейендорфъ

завѣщаютъ, что сегодня 19 сентября (2 октября) въ часовні-
земской больницы, въ 12 ч. дня, будетъ отслужена панихи-
за, а завтра 20 сент. въ 9 ч. утра, состоится выносъ тѣлъ
изъ земской больницы въ Военный соборъ, гдѣ послѣ за-
упокойной литургіи и отпѣвания-они будутъ преданы земле.

А. І. Борзаконскій

выражаетъ глубокую скорбь и искреннее соболезнованіе семей трагически по-
гибшаго неизбалованнаго

Юрія Феодоровича Мейендорфа

Уманская Городская Управа и Уманская Городская Дума

съ глубокимъ прискорбіемъ извѣщаютъ о трагической смер-
ти общественнаго дѣятеля

Ю. Ф. Мейендорфа

и выражаютъ свое глубокое соболезнованіе осиротѣвшей семьѣ.

30 сентября состоится панихирный обедня (20 сентября) Мемориальнаго

Михаила Лопушанскаго

и съ тѣмъ же

управленіе союза служащихъ уманскаго земства извѣщаетъ,
что панихида по баронѣ

Ю. Ф. Мейендорфѣ

состоится сегодня въ 5 ч. вечера въ Военномъ соборѣ.

Объявления в местной газете

После отъезда дядей в нашей квартире стало как-то пу-
сто и тихо. Наша энергичная и предусмотрительная мать
не могла сидеть сложа руки и решила учиться шить башма-

ки. Ее взялся учить один очень милый человек, который когда-то этим делом занимался. Как его звали, совсем не помню. Она считала, что всякое прикладное дело может пригодиться в той неизвестности, в которой мы находились. Она всех нас обула в очень на наш взгляд некрасивые башмаки, которые мы носили только потому, что никаких других у нас не было, но дальше этого, по-моему, не пошла.

В Анапу понаехало много всякого народу, и все, кто чем мог, стали подрабатывать себе на жизнь. Так были открыты некоей мадам Мержеевской курсы пластических упражнений по системе Далькроза, которая учила, что каждое движение тела должно было выявлять какое-нибудь движение души. Мама записала нас и себя на эти курсы. Помню, как мы там приседали, грациозно нагибались, ставили ноги в первую вторую, третью позицию, но не очень этим увлекались. Увлекалась этой пластикой, по-моему, только одна мама. Мы предпочитали барахтаться в море и гонять в горелки с нашими сверстниками. Но у всякого барона своя фантазия и эту фантазию нашей матери мы не смели оспаривать. Гораздо нам больше по душе была фантазия тети Наташи Яшвилъ, матери тети Тани, вдовы дяди Георгия., которая решила писать с нас портрет. Во-первых, мы любили их общество. Они с нами вели себя как со взрослыми, спрашивали наше мнение относительно своих рисунков, давали нам самим рисовать и угощали всегда чем-нибудь вкусненьким. Снимали они комнату в домике с садом на одной из окраинных улиц

города. Анапа была тогда небольшим приморским городком с тенистым городским садом на крутом берегу у самого моря. В море впадала небольшая река Анапка, славившаяся целебной грязью. На ее берегу находились так называемые грязевые ванны – небольшие бараки, где можно было принимать полные или частичные ванны. Мы с Анной переболели желтухой, после чего врач прописал нам грязевые лепешки на печень, и мы туда ходили проводить этот курс лечения. Теперь на этом месте хорошо оборудованный детский санаторий.

Новороссийск

Однажды родители нам объявили, что дедушка Родзянко ждет нас в Новороссийске, куда мы поедем теперь жить. Бабушка Ань последнее время жила с нами в Анапе. До этого она находилась в Киеве у дяди Георгия, тети Тани и ее матери, тети Наташи Яшвиль. После расстрела сына она переехала в Екатеринодар (ныне Краснодар), где уже был проделавший с Деникиным Ледяной поход⁸ дедушка, а потом приехала к нам в Анапу.

И вот в один прекрасный день мы отправились в еще одно, на этот раз последнее, путешествие по России.

Приехав в Новороссийск переполненный беженцами, осаждавшими порт и заполнившими все гостиницы, мы не смогли нигде найти себе пристанища и вынуждены были удовлетвориться двумя вагонами четвертого и первого класса в железнодорожном депо. Вагон первого класса был предоставлен дедушке, бабушке и их знакомому, некому инженеру Колосову с женой. Нас же разместили в вагоне четвертого класса. Сколько времени мы прожили в Новороссийске, не могу точно сказать. Но как будто все же целую зиму. Было тепло еще, когда мы выехали из Анапы. Может быть это была

⁸ Первый поход Добровольческой армии на Кубань с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон под командованием генералов Корнилова и Алексева, а после гибели Корнилова – Деникина (февраль – апрель 1918 г.).

теплая осень или же конец лета. Жизнь в вагоне вспоминается мне зимой. Топили чугунок и не позволяли нам вставать, пока не согреется вагон. Это было совсем не по правилам нашей матери, которая никогда нам не позволяла по утрам валяться в кроватях. Нам даже приносили утренний завтрак в постель. Он обычно состоял из бутерброда с салом и стакана горячего молока. Могу себе представить, что переживали наши родители в это смутное время полное неизвестности. Но нам, детям, жилось в вагоне весело и привольно. Либо няня, к которой мы очень привязались, усаживала нас около себя и долго и занятно рассказывала про своих бывших питомцев детей графа Соллогуба, про то, как с ними ездила за границу в Баден-Баден, в парке говорила с самим «Вильгельмином». Дети были такие красивые, что он «сам подошел к нам и стал расспрашивать, чьи это такие красивые дети», «so hupsch», прибавляла она, щеголяя своим немецким языком. Либо Зеленька с матерью придумывали нам шарады. Наряжали в костюмы, очень удачно сделанные из ничего, превращая нас в актеров. Зрителями были родители, бабушка и дедушка, а в последствии еще подъехавшие в Новороссийск наши двоюродные Мейендорфы с тетей Катрусей. Появился потом неизвестно откуда дядя Сережа Родзянко. Где в это время была его семья – не ясно. Их я почему-то не помню в момент отъезда из Новороссийска. Зима была холодная, стоял сильный мороз и дул норд-ост. Помню отца, возвращавшегося из города, куда он ходил по всяким де-

лам, с сосульками на бороде и на ресницах, всего запорошенного снегом. Бедному же нашему дедушке совсем плохо пришлось из-за норд-оста. Этот жестокий ветер его повалил, и он сломал себе руку. Наложили гипс, который сняли только, когда мы приехали в Югославию. Тогда она еще была Сербией.

Тетя Катруся с детьми дяди Юрия не жила в депо, как мы. Ей, если не ошибаюсь, посчастливилось найти пристанище где-то на окраине города. Девочки Мейендорфы были старше нас, а их брат Никола уже где-то воевал, и в Новороссийске его не было.

Наступила весна, потекли ручьи, утих норд-ост и мы стали покидать наш милый вагон, в котором нам так весело и уютно жилось всю зиму. Весело было, когда вдруг нас передвигали на другие пути и наш вагон куда-то ехал, весело было, тепло одевшись, бегать в гости к дедушке и бабушке в их уютный мягкий вагон и пить у них чай. Дедушка с нами шутил, хлопал по голове своей в гипсе рукой, бабушка вкусно угощала. Иногда заходил их сосед Кологривов, добродушный и милый. Его жену я почему-то мало помню, хотя это именно она, а не он, подарила нам карточную игру «квартет», которой мы очень увлекались. Это были карты с изображением животных, птиц, мух, бабочек и прочих насекомых. Чтобы выиграть, нужно было собрать четыре карты каждого вида. Карты эти хранились у бабушки, чтобы мы их не потеряли и не испортили. И играли мы в квартет только с нашим де-

душкой.

Когда же стало тепло, мы повадились навещать наших кузин, а то они приходили к нам. Ксенья и Мака были барышнями лет шестнадцати восемнадцати.

Сохранилась фотография, где мы все стоим у их домика. Снимал нас безнадежно влюбленный в хорошенькую черглазую Ксенью один поляк. Собрались мы все к тете Катрусе на блины. Была масленая неделя. В одно прекрасное утро нам было объявлено, что дедушка купил для всех нас билеты на отходивший в Крым пароход «Колыма» и что на следующий день на рассвете мы должны быть в порту. Пришла тетя Катруся с девочками с нами прощаться. Почему-то дедушка на них билетов не взял. Она все время плакала и мне было так странно видеть всегда веселую тетю Катрусю в слезах.

Когда на следующий день нас подняли, было еще темно. Приехал дядя Сережа. Он ехал с нами. И вот погрузив наши чемоданы и нас самих на двух извозчиков, мы двинулись в путь. Не помню, были ли девочки, но тетя Катруся нас провожала.

Под фотографией надпись: «1920, эвакуация. Новороссійскъ». Мальчик на переднем плане – Владимир Родзянко, стоит вторая слева Эльвета. Остальных узнать невозможно

Каково же было наше изумление, когда, подъехав к порту, мы не увидели «Колымы». Она ушла. Когда? Почему? Вчера вечером – последовал ответ. Как же так? А вот так, по распоряжению генерала Лукомского⁹. Негодованию дедушки не было конца. «Это все нарочно, специально, чтобы меня оставить здесь» – басил он – «Это происки этого

⁹ Генерал Лукомский Александр Сергеевич (10.VII.1868 – 25.I.1939) отвечал тогда за оборону Новороссійска.

негодая Лукомского». Мы, дети, слушали, распустив уши, и ничего не могли понять. Ясно нам стало одно, что Лукомский негодяй. Это я твердо запомнила. Дедушка негодовал, а на отце лица не было. «Теперь нам конец» – твердил он. Мать старалась его успокоить, что ничего еще не потеряно, что будут другие пароходы. «Ну что же, Колыма ушла, поедem на другом» – говорила она. Единственная, кто искренне и безудержно радовался – так это тетя Катруся. Веселый дядя Сережа подтрунивал над отцом. «И чего это ты, Миша, нос повесил, все, что не делается – к лучшему».

К лучшему оно и оказалось. Нам удалось погрузиться через несколько дней на пришедший специально забирать беженцев немецкий пароход «Габсбург»¹⁰. Команда на нем была английская, а прислуга итальянская, и плыл он на Константинополь. «Колыма» тоже должна была из Крыма держать путь в Турцию, но с ней в пути что-то произошло и она, как будто, не дошла даже до Крыма. Кроме того к нам присоединилась тетя Катруся с девочками, чему очень была рада наша мама, мы и конечно сама тетя Катруся со своими питомцами.

Перед тем, как погрузиться на этот «Габсбург», нужно было пройти медицинскую комиссию. И тут вдруг заболела на-

¹⁰ Пароход «Габсбург» отправился из Новороссийска 15 /28 февраля, прибыл в Салоники 21 февраля/5 марта 1920 года с 592 беженцами на борту. Рейс был организован английской администрацией. Из Салоник беженцев вывозили в Сербию тремя эшелонами: в Куманово, Власотинце, Враньска-Банья (ГАРФ, ф.5982, оп.1, д.64, л.25—36).

ша няня Абракадабра. Ее стало трясти, поднялась высокая температура, заболела голова. «Ну, няня, если вы через два дня не поправитесь, вас придется оставить здесь» – сказал папа, и тут подняла рев трехлетняя Ценка. «Не хочу уезжать без нянечки, плакала она, останусь с ней». И взобравшись на лежанку, где лежала няня, легла рядом с ней. Няня очень растрогалась, стала ее гладить по головке и приговаривать: «Драгоценная ты моя, Ценочка, не плачь, я выздоровею и поеду с вами». И выздоровела. В день, который был нам назначен для докторского осмотра, няня была на ногах и температура спала. «Ну Няня, молодец», восхищался отец. А мама уверяла, что на ноги няню поставила как и ее любовь к Ценке, так и Ценкина к ней.

Отъезд из Новороссийска. 1920 г.

Медицинский осмотр прошел при относительно порядке. Осматривал английский военный врач. Нас всех записали годными на посадку. Но что творилось на следующий день при посадке – трудно описать. Народу было видимо невидимо. Все хотели ехать, но не всех пускали. Как мы друг друга не потеряли – просто не знаю.

Наконец сняли трап, дали гудок и мы медленно стали отплывать.

Разместили нас в трюме. Спали мы все вповалку на полу на чем-то вроде тюфяков. Ели за большими столами, вдоль которых стояли скамейки. Каждая семья выбрала себе угол и, когда все ложились спать, пройти между спящими было почти невозможно. Кормили нас плохо. Галеты были с червями, чай не чай, а помои, как говорил дядя Сережа. Детям выдавалось сгущенное молоко в банках, которое Ценка не хотела пить, прося «молока от коровушки». Трудно было нашим бедным родителям. Но хуже всего приходилось дедушке. Трюм, в котором мы ехали, кишел вшами. Они залезали ему под гипс, а он не мог ни извлечь их оттуда, ни почесаться. Для нас же, детей, эти букашки были предметом забавы. Поскольку они ползали и по полу и по скамейкам, мы, выбирая себе из самых жирных по вше, устраивали гонки. Мама знала немного итальянский язык и благода-

ря этому к ней очень доброжелательно относились повара, которые все были итальянцами. На кухню она ходила за кипятком и часто возвращалась оттуда с котлетками для нас. В качестве мяса мы получали только *corned beef*¹¹, что, пожалуй было самое вкусное из однообразного обеда. Суп, как и чай, тоже носил кличку «помои». Вот так мы плыли пять или шесть дней. В начале путешествия море было тихое, погода ясная и мы часто выходили на палубу. Потом началась самая плохая из качек – мертвая зыбь. Многие стали страдать морской болезнью. Людей рвало тут же и все это текло, увы, в наш угол, поскольку пол трюма был с уклоном в нашу сторону. Нас трех старших тоже начало мутить. Мама вывела нас на палубу и уложила на стоявшую там чью-то раскладушку. Не успели мы лечь, как появился матрос и стал нас оттуда гнать. Оказалось, что раскладушка принадлежит капитану. Нам было очень плохо, но мы послушно стали подниматься. Тут на наше счастье подошел какой-то высший чин, может быть даже сам капитан, и велел нас не трогать. Помню, как я старалась не смотреть на горизонт, от движения которого вверх и вниз меня начинало тошнить. Понемногу мы заснули. Проснулась я от какого-то над нами разговора на непонятном языке. Несколько английских офицеров стояли вокруг нас и щелкали аппаратами. После сна нам стало лучше, а потом и качка прекратилась.

Раз утром, вернувшись из кухни с кипятком и очередным

¹¹ Тушенка (анг)

угощением для нас, мама сказала: «Пейте быстренько чай и идем на палубу. Мы подходим к Константинополю, удивительно красиво». Мы не заставили себя долго ждать и, управившись с завтраком, кинулись наверх. Вид был потрясающий. Гладкое синее море и на горизонте белые минареты с золоченым куполом ай-Софии. Все это освещалось косыми лучами встающего солнца.

На нашем пароходе зверствовал сыпной тиф. Многим было очень плохо, но никого из нас эта страшная болезнь не коснулась. Никто не заболел. Из-за эпидемии нашему пароходу пришлось, не подходя к гавани, стать на рейде. Город нас не принимал. Сколько мы простояли на рейде не помню. Помню только, что публика на пароходе сильно волновалась. «Нас отправят обратно в Новороссийск». Но обратно нас не отправили. Пока мы стояли к пароходу подплывали на лодках турки в красных фесках с полными корзинами всевозможных продуктов и фруктов. Тут были всякого рода булочки, конфеты, рахат-лукум, халва, апельсины, мандарины... Бедные изголодавшиеся беженцы, чтобы получить хоть что-нибудь из этих лакомств, снимали с себя часы, браслеты, кольца, отдавали что имели в качестве монет. Среди этих турецких коммерсантов были такие ловкачи, которые, если монета падала в воду, ныряли и ловили ее под водой. Нам, детям, было очень забавно это наблюдать. Погода все время стояла солнечная, яркая, и мы в наш грязный трюм почти не спускались.

По-видимому, команда парохода вела переговоры с турецкими властями и, не до чего не договорившись, повела нас в Грецию. В один прекрасный день мы снялись с якоря и направились не назад в Новороссийск, а через Босфор и Мраморное море. Это море вполне заслуживает свое название. Оно блестело на солнце, переливаясь множеством голубых, синих, зеленых, серых тонов, и действительно казалось сделанным из мрамора. Мы стояли на палубе с нашими милыми веселыми, глубоко понимающими красоту, матерью и тетей Катрусей и наблюдали сначала за тем, как удалялся, блестя на солнце, красавец Константинополь, а потом как переливалось всевозможными цветами море. Теперь нас везли в Салоники. Как и перед Константинополем мы встали на якорь, не доходя до гавани. С парохода нас группами стал снимать катер и отвозить на один из множества рассыпанных по Эгейскому морю островов. Там нас подвергли дезинфекции. Мужчин направили в одно помещение, женщин и детей в другое. За нас взялась энергичная коротконогая гречанка, которая, понукая нас как стадо овец, заставила раздеться и, намылив карболовым мылом, отправила под душ. Никогда прежде я не сталкивалась с таким грубым обращением и запомнила эту гречанку на всю жизнь. Вещи наши были пропущены сквозь пар, отчего сильно пострадали башмаки и кожаные портсигары у мужчин. Дядя Сережа не мог прийти в себя от негодования. Во-первых, когда он был под душем весь намыленный, прекратилась вода, и ему пришлось выте-

реться мыльным, от чего от него сильно пахло карболкой и, во-вторых, его любимый кожаный портсигар съезжился, а забытые в нем папиросы погибли.

Продезинфицированных, чистеньких, нас на катере отвезли в Салоники, посадили в теплушки и через Ниш отправили в Белград, столицу королевства Сербов, Хорватов и Словенцев (С.Х.С.), как тогда называлась Югославия¹². Королем этого государства был Александр Карагеоргиевич¹³. В бытность свою наследником он учился в Петербурге в Пажеском корпусе, жил во дворце, дружил с царскими детьми. Его глубоко потряс расстрел всей царской семьи, и он принял живейшее участие в судьбе русских беженцев. Ни одна страна не встречала бежавших от революции русских так как его страна. На границе был устроен банкет, проносились речи и поднимались заздравные кубки.

¹² После распада австро-венгерской империи в результате объединения Сербии, Черногории и Государства словенцев, хорватов и сербов 1 декабря 1918 года было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), переименованное в 1929 г в Югославию.

¹³ Когда Родзянки приехали в Сербию, королем формально еще был Петр I Карагеоргиевич, а его сын Александр был регентом при старом отце и стал королем только в 1921 году после смерти отца.

Глава 3 – Эмиграция

Югославия. Панчево. Нови Бечей. Институт

Сколько времени длилось наше путешествие от границы до Белграда совсем не помню. Шел мокрый снег, было холодно и за неимением других возможностей нас почему-то какой-то момент везли до курортного местечка Враноска Баня на телегах запряженных коровами. Помню, нас смешило то, что везут нас коровы. Сидели мы под зонтиками. Во Вранской Бане нас разместили в гостинице. Там мы пробыли недолго. Совсем рядом с нашей гостиницей был горячий серный источник, в котором можно было варить яйца, что мы с удивлением и делали. Враньска Баня была только этап. Обосновались мы сначала в Панчево – город под Белградом – а потом переехали в село Беодру, где отец получил работу.

В Панчево мы сняли квартиру. На какие средства мы там жили – не помню. Кажется, дедушка сразу стал получать пенсию от сербского правительства. Кем-то было открыта столовая, в которой многие из приехавших дам стали работать. Работали там в качестве официанток девочки Мейендорф

и тетя Катруся. В эту столовую мы приходили есть. Среди приехавших в Панчево было несколько врачей с известными именами. Они развили энергию и добились открытия русского госпиталя, получив от сербского правительства кредиты. В этом госпитале родилась еще одна наша сестра, Елена.

Поскольку выехавшая в 1920 году эмиграция не приняла революцию всерьез и считала, что все это скоро кончится, встал перед ней вопрос о воспитании и образовании молодежи, которая, вернувшись на родину, нужна будет ей в качестве элиты. Сербское правительство пошло в этом отношении навстречу. Была открыта в Белграде русская мужская гимназия, кадетский корпус в Белой Цркви. Выехавший в полном составе из Харькова Институт Благородных Девиц¹⁴ и другой такой же из Ростова получили от правительства помещение и кредиты – Харьковский в городке Нови-Бечей, а Донской в Белой Цркви.

В Панчево, между тем, энергичные дамы общественницы создали организацию скаутов и герл гайдов (girl guides), в которую вступили и мы, старшие. Мы, конечно, были очень счастливы. И как же не быть! На левом плече нашиты ленточки национальных цветов, на шее синий треугольничком галстук. Полковник Сперанский, лысый человек с холодными серыми глазами, занимался с нами гимнастикой, Олег Гудович, молодой человек лет 17-ти, учил нас азбуке Морзе. На нас были синие юбочки и защитного цвета блузки,

¹⁴ См. Приложение – Харьковский институт благородных девиц, стр.192

на мальчиках шорты и тоже защитного цвета рубашки. Мы ходили в походы и принимали участие во всяких мероприятиях: убрали столовую, помогали на кухне и пр. В этой скаутской организации также принимала участие очень славная, всегда улыбающаяся девочка Бэба Демьянович. Мама ее почему-то была Бартеньевой. Я этого никак не могла понять, Почему у них разные фамилии? Спросить стеснялась. У меня была такая странная черта – никогда не спрашивать, а доходить до всего самой, отчего я часто оказывалась отставшей от других, не боявшихся показывать свое незнание. Это конечно было недостатком, гордостью, опасением, что сочтут меня за дурочку, которой в результате я и оказывалась.

Нам с Ань шел 12-тый год и родители стали подумывать о том, куда нас определить, в какую школу. Как я выше писала, в Новом Бечее обосновался Харьковский Институт Богородных Девиц, но чтобы нас туда приняли, надо было сдать небольшой экзамен. В Новомосковске к нам приходили учителя, которые учили нас математике, русской грамоте. Приходил и батюшка, учивший нас Закону Божьему. Мы все-таки кое-что знали. Умели читать и писать. Знали наизусть кое-какие стихи и басни Крылова. А батюшка так даже заставлял нас кроме молитв выучивать наизусть и отрывки из Евангелия. Так мы знали и могли процитировать целиком всю Нагорную Проповедь и Заповеди Блаженства. С такими знаниями нас без труда приняли во второй класс, а Ольгу в первый.

Признаюсь, страшно мне было ехать в этот институт, страшно и грустно оторваться от семьи, оказаться среди чужих. Я была девочкой чрезвычайно застенчивой. Этот недостаток меня преследовал всю жизнь. И даже теперь, на старости лет, в незнакомой среде я себя чувствую скованной.

После экзамена нас привели в здание, где находились дортуары. Все наше белье и платье родители увезли, а нам выдали казенное. Все девочки были одеты одинаково в темно-зеленые камлотовые формы, белые переднички и пелеринки. Эта форма была принята во всех институтах благородных девиц в дореволюционной России. Основаны эти учебные заведения были в 1746 году при Екатерине II. Обучались в них девицы благородного (дворянского) происхождения. Это были женские закрытые средние учебные заведения. Преподавались там главным образом гуманитарные науки, иностранные языки и музыка. В Югославии, где Харьковский институт обосновался, учебная программа была изменена и приравнена к сербским школам. Так что нас учили и математике вплоть до аналитики и тригонометрии, а также химии и физике. В остальном все оставалось прежним. Кроме преподавателей в каждом классе было по две классные дамы, которые работали через день. Они должны были знать иностранные языки – одна немецкий, а другая французский. Понедельник, среда и пятница были немецкие дни, а вторник, четверг и суббота французские. Они занимались нашим воспитанием. Присутствовали на уроках, следя за тем, как

мы себя ведем, не читаем ли исподтишка книжки, не болтаем ли. В их обязанности так же входило говорить с нами на французском и немецком языках. Эмилия Дмитриевна Александрова, классная дама с немецким языком, не пользовалась у нас авторитетом. Это была очень нервная особа, часто повышавшая на нас голос, и по-немецки она с нами никогда не говорила. Для французского языка у нас была Любовь Александровна Еленова. Она пыталась с нами говорить по-французски, но не сумела внушить к себе должного уважения и мы с ней делали что хотели. Прозвище мы ей дали Мадамочка. Она и была именно не мадам, а мадамочка; вся в кудельках, сильно напудренная, отчего нос у нее получался синий. Пробыла она у нас всего два года. Ее рассчитали за неумение нас держать в руках. Был у нас преподаватель естественной истории или, как теперь говорят, природоведения, Константин Константинович Висковатый. Мы его очень любили. Он умел свой предмет преподнести интересно, зачастую отвлекался на посторонние темы. Одним словом урок его проходил живо и весело. И вот, в один прекрасный день мы узнаем, что его отставили и что он преподавать у нас больше не будет. В чем дело? Почему? Прощаясь с нами, он сказал, как ему жаль с нами расставаться и как вообще все это грустно. Мы расчувствовались и как-то на прогулке решили его навестить. Но как это сделать? И вот мы придумали. Когда, гуляя по набережной Тисы, где обычно нам разрешали ходить не парами, а кто с кем хочет, Мадамоч-

ка, сидя на скамейке, отвлечется, беседуя с другими классными дамами, мы же потихоньку улизнаем. Так и было сделано. Когда бедная Мадамочка насхватила, наш след давно простыл. Ухватившись друг за другом поездом, мы пробежали через весь город до домика, где жил К. К. Он был очень тронут нашим визитом, а Мадамочку рассчитали. На ее место была приглашена Вера Михайловна Сербинова, человек совсем иного склада: спокойная, умная, образованная, способная ответить на любой вопрос, прекрасно знавшая французский язык, на котором никогда не забывала с нами разговаривать, она сумела завоевать не только наше уважение, но и любовь. Это не помешало нам все же дать ей кличку «Осел». У нее было мужеобразное лицо в профиль напоминающее унылого осла. Раз как-то наша шалунья Женя Салежко нарисовала ее на доске очень похожей в виде осла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.